

представляют большую ценность. Фактический материал в них фрагментарен, теоретические взгляды эклектичны.

³⁷ Токарев С. А. Указ. раб. С. 32, 49.

³⁸ Virchow H. Gedächtnisrede auf Felix Luschan in der Sitzung vom Marz 1924 gehalten//Z. f. E. Jg. 56. 1924; Westphal-Hellbusch S. Op. cit.

³⁹ Штейнен К. Среди дикарей Бразилии. М., 1935.

⁴⁰ См.: Марков Г. Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 2. Немецкое народоведение. М., 1993.

From the origin to the blossom of the German ethnology. Theoretical aspects

The author includes into the notion «German ethnology» three branches of the German-language science: German, Austrian and Swiss. Until the middle XIX German ethnology remained primarily an empirical discipline. It was constituted as an independent science at the second part of XIX within evolutionism. During this period German ethnologists paid a great tribute to the development of the evolutionist concepts.

G. E. Markov

© 1996 г., ЭО, № 4

С. И. Рыжакова

МОСКВА И САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В ИСТОРИИ ЛАТЫШСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

XIX век, особенно его середину и вторую половину, вполне можно назвать веком этнографии. Во многих европейских странах, имевших колонии, начались исследования народов — сначала подвластных земель, а затем и своих собственных. Формирование этнологической науки шло параллельно с образованием этнографических музеев, при различных обществах и академиях, а позднее и как самостоятельных институтов.

В Российской империи вторая половина XIX в. тоже ознаменовалась началом систематических этнографических исследований населявших ее народов. Но здесь наблюдалась своеобразная ситуация, когда колонии не были совершенно отделены от метрополии, а жизнь и быт русского народа принципиально не отличались от жизни и быта многих других народов России и стран, «России принадлежащих». Задачи этнографии определил еще русский ученый-натуралист К. М. Бэр, управитель Этнографического отделения Русского географического общества (РГО), как «познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов»¹. Из этого определения можно заключить, что понятие «этнография» в то время включало в себя как собственно этнографический в современном понимании, так и исторический, языковедческий, фольклорный, антропологический, этнопсихологический, этнолингвистический и другие аспекты изучения народных культур.

Профессор Казанского университета Б. Ф. Адлер в 1919 г. в докладе о Всероссийском центральном этнографическом музее, прочитанном на коллегии отдела Наркомпроса по делам музеев и охране памятников искусства и старины, говорил о России как о «настоящем этнографическом музее», который сохранился благодаря «обилию народностей, отличию культурных степеней населения», «сох-

раненности многих интереснейших черт бытования из-за почти полного бездорожья многих мест и их изолированности». Он также отмечал, что особенность русской культуры проявляется «в ее слабой способности к русификации многих народностей, благодаря чему многие черты, национально самобытные, чисто этнографические, прекрасно сохранились до настоящего времени. Общая терпимость национального характера, часто более низкий культурный уровень русских по сравнению с туземцами, способствует устойчивости этнографических особенностей нашей страны. Такие области, как Кавказ, Туркестан, Финляндия, Литва, Латвия, Польша, конечно, еще очень долго сохраняют свой этнически чистый национальный облик»². Этнографические материалы и коллекции предметов народных культур стали собирать в музеях и обществах Москвы и Санкт-Петербурга, имевших этнографическую направленность. Этим занималось Этнографическое отделение РГО, созданное в 1845 г. в Санкт-Петербурге, которое организовывало этнографо-статистические экспедиции и рассылало программы по собиранию этнографического материала на места, в том числе и в Латвию (в Курляндскую, Лифляндскую и Витебскую губернии).

Ценность этнографических исследований определил К. М. Бэр: «Запасы для работ этнографических уменьшаются с каждым днем вследствие распространения просвещения, которое сглаживает различия племен. Народы исчезают, и остаются одни имена их... Некоторые племена близки к уничтожению, например ливы и кривинги. Все сведения, кои еще возможно соединить, составляют сокровище, которое с течением времени возрастает в цене»³.

Внимание к этнографическому изучению Прибалтийского края было проявлено уже в первый год работы Этнографического отделения при Русском географическом обществе; в 1846 г. К. М. Бэр предложил организовать небольшую экспедицию в Остзейские губернии, которая «касается предмета самой неотложной надобности в ученом отношении». Задачей ее было исследование катастрофически исчезающего народа — лифляндских ливов, остатки которых проживали в районе Нейзалиса (совр. Саласпилс). В мае 1846 г. знаток прибалтийско-финских языков и народов акад. А. Ю. Шегрен и портретный живописец А. Пецольд были направлены туда для фиксации сохранившихся сведений о языке, обычаях, поверьях и отличительных черт лица у ливов.

Затем они побывали (по инициативе самого А. Ю. Шегрена) у небольшой группы населения Курляндии в районе Бауски — потомков так называемых кривингов, — где собрали немало уникальных сведений об их происхождении от эзельских эстонцев, которые бежали в Курляндию в начале XVIII в., спасаясь от моровой язвы, а также об их народном костюме и обычаях. Последним пунктом назначения экспедиции было северное побережье Курляндии, где А. Ю. Шегрена особенно интересовали куршские ливы, язык которых он сравнивал с языками лифляндских ливов, кривингов и эстонцев. Вместе с языковыми сведениями были описаны составные части народного костюма и сделаны некоторые наблюдения над национальным характером ливов⁴.

По поручению РГО в 1869 г. в прибалтийские губернии был направлен студент Петербургского университета Юлий Калейс-Кузнецов. Он провел исследования среди жмуди (жемайтских литовцев) и определил этнографические границы между латышами и литовцами⁵.

В 1862 г. Ф. Х. Паули опубликовал сводный труд членов РГО «Народы России», в котором содержались и сведения о балтах⁶. В 1878—1880-е годы картографическое заведение Ильина в Петербурге, использовав материалы труда Ф. Х. Паули, ставшего к тому времени редкостью, издало живописный альбом «Народы России», во втором выпуске которого были помещены заметки о литовцах и латышах с цветными иллюстрациями⁷.

В Санкт-петербургских изданиях, в том числе и связанных с деятельностью РГО, выходили статистические исследования народов Прибалтийского края, статьи, посвященные латышской этнографии, и библиографические указатели по истории и культуре латышей. Один из обширнейших указателей был составлен

Кришьянисом Бароном, в будущем известнейшим латышским фольклористом⁸. Особенно увеличилось издание книг и статей по латышской этнографии в 1890-е годы, когда появился ценнейший труд о праздниках латышей Витебской губернии Э. А. Вольтера. В это же время начал выходить журнал «Живая старина», в котором были опубликованы статьи И. Спрогиса о похоронном обряде у латышей, А. Л. Погодина о куршах и космических легендах разных народов, в том числе балтов, Г. Висендорфа о латышских преданиях, ритуальных предметах и многие другие⁹.

Русское географическое общество приобрело в 1862 г. одну из самых ранних латышских этнографических коллекций; в настоящее время она хранится в Музее антропологии и этнографии. Это были пробы деревьев и кустарников вместе с гербарием и семенами растений из Тауеркалнского лесничества Фридрихштатского уезда Курляндской губернии, а также модели предметов крестьянского хозяйства, употребляемые тогда во многих лесничествах Курляндии (Сетценском, Тауеркалнском, Лубенауском и др.), доставленные Прибалтийской палатой государственных имуществ в РГО¹⁰. Эта коллекция «лесных изделий» состояла из 33 предметов: проб деревьев и кустарников с описанием их, а также с заметками об использовании тех или иных материалов в народном хозяйстве и из 13 моделей предметов домашней утвари и земледельческих орудий (среди них — ведро для меда, пчелиный улей, сохи, бороны, молотильный цеп, кадки, ложка и т. п.). В 1891 г. общество передало эту коллекцию в музей.

В 1863 г. при Московском императорском университете было учреждено общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, имевшее целью «распространение науки в массе публики», «подготовку деятелей для науки» и «изыскание средств на научные исследования», главным образом для изучения народов страны¹¹. На знаменитой Всероссийской этнографической выставке, устроенной в Москве в 1867 г. этим обществом и представляющей этнографические материалы, купленные и собранные в экспедициях, были представлены и народы прибалтийских губерний. Экспонировались два латышских народных костюма из Лудзенского уезда Витебской губернии и модель крестьянской усадьбы Лиепайского уезда Курляндии, изготовленная латышом Карлом Кронвальдом. Оба костюма явились даром Н. В. Лилье и были представлены на манекенах, изображающих на выставке латыша и латышку. Мужской костюм, состоявший из холщовых рубахи, кафтана, штанов, дополнялся поясом, лаптями с оборами, летней шляпой, трубкой и кисетом для табака. В женском костюме входили рубаха, юбка с передником, праздничный платок, два венка из искусственных цветов, лапти и украшения из белых и черных бус и четок¹². Позднее подробное описание этих костюмов было напечатано в «Курляндских губернских ведомостях»¹³, а в «Известиях Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» к описанию прилагался раскрашенный рисунок¹⁴.

По окончании выставки все материалы поступили в Московский публичный музей и в Румянцевский музей, составив основу Дашковского этнографического музея (названного по имени инициатора создания и руководителя музея В. А. Дашкова).

Сбор латышских этнографических материалов для Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии возглавил Фрицис Трейланд-Бривземниекс — один из основателей латышской фольклористики, деятель младолатышского движения за национальное «пробуждение», переводчик, поэт и публицист. С начала 1870-х годов он начал публиковать в русской и латышской прессе материалы о культурной жизни в России, о Балтии и о латышах. Одной из первых была публикация об Этнографическом музее в Москве, в которой Ф. Трейланд описал выставленные предметы, размышлял о роли музея в народном просвещении и в познании истории народов, а также отметил, что и латышам нужно собирать этнографический материал, чтобы осознать себя и свою роль среди других народов¹⁵.

В 1874 г. Ф. Трейланд-Бривземниекс написал первую на латышском языке

биографию ученого — «Высокие русские мужи из низкого сословия. Ч. I. Ломоносов»¹⁶. Эта работа входила в его план ознакомления латышей (тогда народа почти исключительно крестьянского) с русской культурой и наукой и имела большую педагогическую ценность.

С осени 1870 г. по инициативе К. Валдемара (возглавлявшего «младолатышское» движение в Москве) и Ф. Трейланда началась организация встречи латышей, живущих в Москве. Это были по большей части студенты, служащие и учителя, которые дали друг другу торжественное обещание «служить своему народу». В маленьком латышском землячестве Москвы Фрицис Трейланд взял себе псевдоним «Бривземниекс» («свободный крестьянин») и начал заниматься изысканием средств для присуждения премий студентам, публиковавшим научные статьи на латышском языке.

По окончании Всероссийской этнографической выставки в Москве в 1867 г. сбор этнографического материала не только не прекратился, но значительно расширился. В Обществе любителей естествознания предполагалось продолжить начатую публикацию «Сборника антропологических и этнографических статей о России и странах, ей принадлежащих», представляющего материалы о народах России и зарубежных славянах. Для этого В. А. Дашков учредил две премии по 500 рублей каждая, но большая часть денег (750 рублей) была потрачена на двукратную поездку Ф. Трейланда-Бривземниекса в Прибалтийский край для сбора и обработки материалов по латышской этнографии. Летом 1869 г. он отправился в экспедицию. Из своего родного Айзпутского уезда (Курляндия) Фрицис Трейланд прислал в дар Дашковскому этнографическому музею коллекцию деревянных моделей сельскохозяйственных орудий и бытовых предметов, изготовленных его отцом Яковом Трейландом. Это собрание считается одной из первых крупнейших латышских коллекций, поступивших в российские музеи; оно насчитывает около 40 предметов: модели стола и скамьи, телеги для езды в церковь, сани, ведра, масленки, половники, цеп, вилы, косы, удила и др.¹⁷

Во время путешествий по Латвии Трейланд посетил многие районы Лифляндии, Курляндии и латышские области Витебской губернии. По окончании экспедиции, 12 октября 1870 г., на заседании Общества он сделал доклад «О латышской народной поэзии»¹⁸. В нем он отметил, что латышское племя пользуется в последние годы особым вниманием отечественной (т. е. российской) публики, так как, с одной стороны, стоит довольно близко «по племенному отношению» к группе славян, а с другой — «латышско-литовский язык» близкородственен древнему санскриту. Предваряя собрание народных латышских песен, Бривземниекс пишет об уникальности этого древнего жанра и приводит слова Й. Гердера о народной песне как «доставляющей нам естественную историю, словарь и грамматику народа».

Склонность к поэзии Бривземниекс считает одной из характерных черт латышского народа, и его собрание песен вполне это подтверждает¹⁹. Другие фольклорные материалы, полученные в экспедиции, а также по почте в ответ на разосланные анкеты для сбора «этнографического материала» Ф. Бривземниекс обработал и опубликовал в трудах Общества любителей естествознания²⁰. Объем корреспонденции постоянно увеличивался, и в 1878 г. незадолго до своего отъезда из Москвы Ф. Бривземниекс окончательно передал сбор и систематизацию латышских народных песен (дайн) своему другу Кришьянису Барону, в будущем знаменитому латышскому фольклористу и «отцу дайн», как его называют сейчас. Собрание Бривземниекса, насчитывавшее около 40 тыс. дайн, Барон увеличил до 200 тыс. и вместе с Г. Висендорфом опубликовал в 1894—1915 гг. в шести томах. Сбором латышских народных сказок после Бривземниекса занялся Ансис Лерхис-Пушкайтис, он довел собрание до 6 тыс. сюжетов. Оба собрания (как народных песен, так и сказок) считаются классическими в истории латышской фольклористики; оба по своему происхождению связаны с деятельностью московских латышей²¹.

Можно согласиться с мнением А. М. Разгона, высказанным в его книге об

этнографических музеях России, что памятникам латышского фольклора «особенно повезло... среди публикаций этнографического материала» во второй половине XIX в.²² Во многом этому способствовал дух эпохи возрождения народного самосознания, взрастивший молодую латышскую интеллигенцию.

На протяжении второй половины XIX в. Дашковский этнографический музей представлял собою единственное в России собрание типов народностей Российской империи, сочетающее богатство коллекций с их систематическим размещением. Этот музей сформировался как отдел Московского публичного музея, объединившего в себе коллекции Румянцевского музея, перевезенные из Санкт-Петербурга в Москву незадолго до открытия Всероссийской Этнографической выставки, и некоторые частные коллекции. В музее было принято деление народов на великороссов, малороссов, поляков — русских поданных; несколько групп инородцев — «племя арктическое» (чукчи), «племя урало-алтайское» (самоеды, финны, турко-татары, монголы, тунгусы и др.), «племя семитское» (евреи) и «племя индоевропейское» (молдаване, литовцы, латыши). Кроме того, был представлен Кавказ, славяне Австрии и Балкан и колоши и алеуты Америки.

Коллекции Этнографического музея быстро росли. Из латышских коллекций нужно упомянуть дар графа О. Медема 1873—1875 гг. — два праздничных костюма латышей (мужской и женский) из Курляндии с приложенными фотографиями.

Кроме полных комплексов костюмов в музее имелись и их составные части: в экспозиции были представлены два девичьих головных убора — венцы из Курляндии, украшенные серебром и искусственными цветами. В 1895 г. была зарегистрирована коллекция предметов из Люцинского уезда Витебской губернии, дар Е. Р. Романова, состоящая из элементов костюма (разнообразных лаптей, женских головных уборов, поясов), моделей мебели, транспортных средств, предметов повседневного обихода (табакерки, трубка, кiset) и др. — всего 19 предметов. В 1908 г. отмечена полученная от В. Н. Харузиной коллекция из двух берестяных бураков из Лифляндской губернии.

Каждая культурная эпоха имеет свою мировоззренческую парадигму, исходя из которой формируются приоритеты научных исследований. Свою историю имеют и представления одних народов о других. В российской этнологической науке особенно подвергались изменениям представления о происхождении и этнической принадлежности разных «племен» Прибалтийского края. В XVIII в. латышей и литовцев иногда относили к славянским народам, выделяя их как особую группу внутри славян. В XIX в. закрепилось использование термина «литовское племя», что по смыслу соответствует современным «балтам». Латыши обозначались как «ветвь литовского племени» (иногда уточнялось — западная), «населявшая главным образом губернии Курляндскую, Лифляндскую (уезды Рижский и Венденский), отчасти Витебскую (уезды Динабургский, Режицкий и Люцинский) и Ковенскую»²³. В середине XIX в. было определено, что «литовское племя», в особенности латыши, в своем продвижении на северо-восток прибалтийской области столкнулись с финскими, уже частью исчезнувшими племенами — ливами, курами, эстами. К 1850—1870-м годам относится целый ряд этнографических экспедиций РГО и других учреждений для уточнения этнической и лингвистической принадлежности народов прибалтийских губерний. Курш (курши) еще долгое время считались народом финским и только в XX в. было выяснено их балтское происхождение.

В конце XIX в. в Санкт-Петербурге возник проект создания центрального публичного русского этнографического музея. В 1895 г. комиссия по разработке его устава приняла решение о создании Русского музея им. императора Александра III; музей включал в себя Отделение этнографии Российской империи и славян, а также народов сопредельных стран²⁴. Одной из важнейших в работе музея была установка на организацию этнографических экспедиций и собирание материала «для характеристики духовного и материального быта всех племен и народов, населяющих Россию и сопредельные с ней страны, связанных с нашим отечеством племенными и культурными отношениями»²⁵. Уже в ходе обсуждения

организации будущего музея была высказана мысль о двух «ветвях» науки о народах и их культурах. Казанский профессор И. А. Смирнов выделил два возможных отделения в музее, отражающие в сущности два рода исследований: 1) описательной, или специальной этнографии, занимающейся сбором коллекций, которые «должны давать по отношению к определенной народности ее полную культурно-историческую монографию»; 2) общей этнографии, исследования которой могли бы «дать ответ на вопрос, из каких элементов сложилась культура любой народности»²⁶. Последняя, видимо, больше тяготеет к современному определению «этнологии».

В 1909 г. с музеем начал активно сотрудничать латышский художник и этнограф Ричард Зариньш (Заррин, как он именуется в переписке с музейной администрацией). Работая в Лифляндской и Курляндской губерниях, в частности в уездах Валкском и Венденском (ныне — Валкский и Цесисский районы Видземе), Гробинг-Газенпотском и Добленском (ныне районы Бартавский, Руцавский, Добеле Курземе), он присылал в петербургский музей ценные латышские этнографические коллекции. В первом письме, отправленном в Этнографический отдел на имя хранителя Н. М. Могилянского и датированном 14 марта 1909 г., Р. Г. Зариньш отмечал большой интерес к собиранию этнографических предметов латышей со стороны местных учителей, а также помощь, оказываемую ему учителями и лютеранскими пасторами. Р. Зариньш пишет о необходимости восстановить старый латышский мужской костюм, который в отличие от женского плохо сохранился в среде бытования к тому времени. Для этого одному старику портному был дан заказ на «новый костюм по старому вышитому образцу». О пересылке коллекции народных костюмов в музей Р. Зариньш пишет, что хотел бы доставить ее всю целиком, а не по частям и «в старинном деревянном сундуке, с подробным счетом, описанием, названиями вышивок и отдельных фигур, с фотографиями и рисунками мебели и утвари». Узнав о поисках этнографических предметов Зариньша, Рижское латышское общество предложило некоторые дублиеты из своей коллекции. В письмах к Н. М. Могилянскому Зариньш отмечает «невероятную быстроту», с которой народные костюмы в Латвии исчезают. Например, в области Нидер-Бартау Курляндской губернии (современная Барта) «с прошлого года (т. е. с 1908 г.) совсем перестали ходить в народных костюмах, а до 1908 г. там других костюмов совсем не знали, и все шло по-прежнему»²⁷. 1 мая 1909 г. в музей была доставлена собранная Р. Зариньшем коллекция предметов «по этнографии латышей», в которую входили глиняные орнаментированные тарелки работы мастера Дранды и другие керамические изделия из Смильтенской волости Валкского уезда Лифляндии, полные составы женских народных костюмов Лифляндии и Курляндии, а также отдельные составные части мужских и женских костюмов и относящиеся к ним предметы («пряжки серебряные» — застежки для наплечных покрывал и рубашек, сакты, «янтарные пряжки»), музыкальный инструмент типа звончатых гуслей-кокле из Руцавской волости Курляндии, курительные трубки и деревянный кубок для пива из Венденского уезда Лифляндии. Предметы Руцавской волости Курляндской губернии были присланы в сундуке «пурс», предназначенном для хранения девичьего приданого. Часть предметов в дополнение к имеющимся была прислана 16 декабря 1910 г. Некоторые костюмы сопровождались фотографиями, рисунками и описанием имеющегося на них орнамента. В Этнографический отдел Русского музея поступали предметы с о-ва Руно (Рунэ), принадлежащего в то время Лифляндии (ныне о-в Рухну, Эстония). Собираением и пересылкой оттуда этнографических предметов занимались окружной инспектор А. А. Фомин (в 1903—1908 гг.), а затем пастор А. Цеттерквист (в 1912 г.). В 1908 г. в музей обратилось Экскурсионное бюро Рижского педагогического общества с предложением принять участие в экскурсии на о-в Руно, а в случае невозможности этого дать бюро какие-либо поручения. В письме отмечалось, что «своеобразной культуре этого острова грозит в скором времени опасность полного исчезновения»²⁸. В Этнографическом отделе сложилась небольшая, но очень ценная коллекция шведских предметов, в основном присланных с о-ва Руно в 1908

и 1911 гг., состоящая из частей народного костюма (мужского, женского и детского), украшений, домашней утвари, предметов рыболовства, земледельческих и ремесленных орудий и детских игрушек²⁹. Следует заметить, что в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в настоящее время тоже хранится коллекция шведских предметов, поступивших в 1908 г. в музей от Рижского педагогического общества и собранная на о-ве Руно Экскурсионным бюро общества. Эта коллекция содержит 59 предметов быта — мебель, сельскохозяйственные орудия, ремесленные инструменты, домашнюю утварь, элементы костюма и игрушки³⁰. Музеи Санкт-Петербурга обладают уникальными коллекциями шведских этнографических предметов с о-ва Руно (Рухну), собранными в последний период существования там традиционного уклада. К сожалению, до сих пор они специально не изучались и не были представлены в комплексе.

Таким образом, Этнографический отдел Русского музея им. императора Александра III, равно как и Дашковский этнографический музей, были одними из первых российских музеев, начавшими систематически собирать латышские этнографические коллекции.

Опыт московских и петербургских музеев напрямую содействовал созданию в 1896 г. в Латвии Рижского этнографического музея. В его основу лег Латышский музей, организованный еще в 1869 г. по инициативе Рижского латышского общества. В 1872 г. это общество приняло участие в Российской политехнической выставке в Москве, устроенной Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии.

В 1896 г. в Риге состоялся X Всероссийский археологический съезд, целью которого было укрепление связи русских археологов с учеными Прибалтики и помощь археологическим исследованиям. В период подготовки к съезду (1894—1896 гг.) Ученая комиссия Рижского латышского общества организовала 10 экспедиций в разные районы Латвии. Собранный материал был представлен на этнографической выставке, отражающей хозяйство и культуру латышей каждой области³¹. Для изучения опыта классификации этнографических памятников ведущий Рижским этнографическим музеем С. Новицкий был командирован в Москву и Санкт-Петербург, а М. Скрузит — в Прагу для ознакомления с чешской этнографической выставкой.

Латышская этнографическая выставка 1896 г. была первой попыткой «свести в одно место все, что осталось от прежних времен и имеет значение для латышского народа»³². 18 отделений выставки представляли историю латышской литературы, законодательства, природу прибалтийских губерний, антропологический состав, язык, фольклор, народные музыкальные инструменты, живопись, драматическое искусство, историю образования, общественные организации (Общество страхования, Общество вольных пожарных, Общество потребителей и др.), народные костюмы, постройки, крестьянские занятия, домашнюю утварь, историю судоходства. На выставке были представлены в естественную величину три жилых строения из Курляндии и Лифляндии, представляющие крестьянское хозяйство. Впервые на этой выставке была устроена обширная демонстрация латышского изобразительного искусства с участием кружка «Рукис».

В ходе X археологического съезда обсуждались не только археологические, но и антропологические, этнографические, фольклорные, лингвистические, искусствоведческие вопросы. В дискуссиях принимали участие языковед К. Мюленбах (автор латышско-немецкого словаря), музыковед А. Юрьян (выпускник Петербургской консерватории, ученик Н. А. Римского-Корсакова, один из первых исследователей латышской народной музыки), археолог А. Спицын. Пастор А. Биленштейн, собиратель латышского фольклора и исследователь латышской мифологии, в докладе «„Эпоха дерева“ у латышей», названном им «скромной пробой пера» по описанию и периодизации истории культуры латышей, поставил вопрос о так называемой «эпохе дерева», длившейся у латышей примерно с бронзового века до второй половины XIX в.³³ В советской науке эта теория была подвергнута резкой критике. Однако, на наш взгляд, стоит обратить внимание на работу К. Мо-

шиньского³⁴, пришедшего к заключению, что и славяне до последнего времени жили в «деревянном веке». Это утверждение представляется многим исследователям справедливым «не только в отношении практической, утилитарной роли дерева, но и в связи со специфическим положением деревьев в различного рода идеологических построениях»³⁵.

Позднее многие методы организации Этнографической выставки 1896 г. были положены в основу формирования Латвийского этнографического музея под открытым небом в 1920—1930-е годы.

Формирование в России в середине и второй половине XIX в. русской этнографической науки было связано главным образом с познанием и изучением народов России и «стран, ей принадлежащих». Такое направление было общим для европейской общественной мысли, однако в России наблюдался ряд особенностей, связанных с близостью исторического развития многих народов, в том числе славянских и балтийских. Санкт-Петербург и Москва — экономические, политические и культурные центры империи — являлись также центрами формирования молодой латышской интеллигенции. Конечно, дальнейшее развитие течение «народного пробуждения» латышей получило в Латвии, но период его становления был тесно связан с Россией. Об этом свидетельствуют первые издания сборников латышского фольклора (народных песен — дайн, сказок, загадок, пословиц и заговоров), исследования в области латышской этнографии (что в понимании того времени включало широкий комплекс исследований самых различных сторон жизни народа), а также коллекции этнографических предметов, собранные в Латвии для российских музеев и до сих пор еще недостаточно изученные как российскими, так и латышскими учеными.

Наличие общих истоков в формировании этнографической науки может явиться той основой, которая послужит стимулом для дальнейшего взаимодействия российских и латвийских исследователей в области этнологических и культурологических изысканий.

Примечания

¹ Записки Русского географического общества (далее — РГО). СПб., 1849. Кн. 1, 2. С. 64—81.

² Адлер Б. Ф. Доклад о Всероссийском центральном этнографическом музее, читанный 22 октября 1919 г. // Ведомственный архив Российской государственной библиотеки. Оп. 17. Д. 119. С. 1.

³ Бэр К. М. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности // Записки РГО. СПб., 1846. Кн. 1. С. 94.

⁴ Шегрен А. Об этнографической экспедиции в Лифляндию и Курляндию // Записки РГО. СПб., 1849. Кн. 1, 2. С. 253—266.

⁵ Кузнецов Ю. Исследования между литовцами и латышами // Отчет Имп. РГО за 1870 г. Гл. II. СПб., 1871. С. 42—43.

⁶ Паули Ф. X. Народы России. Этнографический обзор населения России. СПб., 1862.

⁷ Народы России. Живописный альбом, издание картографического заведения Ильина. Вып. II. СПб., 1880.

⁸ Указатель сочинений о коренных жителях Прибалтийского края // Записки РГО по отделению этнографии. Кн. 2. Приложение. СПб., 1869. С. 1—93.

⁹ Вольтер Э. А. Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии. СПб., 1880;

Спрогис И. Похоронный обряд у латышей в 1840-х годах // Живая старина. Вып. III. Отд. V. СПб., 1890. С. 225—231; Погодин А. Л. Отчет о поездке к лифляндским латышам летом 1894 г. // Живая старина. Вып. III—IV. Отд. I. СПб., 1895. С. 243—250.

¹⁰ Письмо Прибалтийской палаты государственных имуществ (г. Рига) в Имп. РГО // Архив Музея антропологии и этнографии. Опись латышской коллекции. № 352. Л. 2—6.

¹¹ Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии // Энциклопедический словарь / Ред. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. XXI. СПб., 1897. С. 616.

¹² Систематическое описание коллекции Дашковского этнографического музея, составленное В. Ф. Миллером. Вып. II. М., 1889. С. 30.

¹³ Вельм Я. И. Латышское племя в коллекциях Дашковского этнографического музея в Москве // Курляндские губернские ведомости. Митава, 1892. № 88. С. 759.

¹⁴ Латыш и девица латышка из Люцинского уезда Витебской губ. // Изв. Имп. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее — ИОЛЕАЭ). Приложение. Вып. XII. М., 1873.

- ¹⁵ Baltijas Vēstnesis. 1869. № 5. 9 aprīli.
- ¹⁶ *Brīvēzemiēks F.* Augsti krievu viri iz zemas kārtas. I. Lomonosovs. Rīga, 1874.
- ¹⁷ Систематическое описание коллекции... С. 36—37.
- ¹⁸ *Brīvēzemiēкс Ф.* О народной поэзии латышей//Изв. ИОЛЕАЭ. Вып. XII. М., 1873. С. 7—15.
- ¹⁹ Латышские народные песни, с русским переводом Ф. Я. Трейланда//Сб. антропологических и этнографических статей о России и странах, ей принадлежащих, издаваемых В. А. Дашковым//Изв. ИОЛЕАЭ. Тр. этнограф. отд. Кн. II. М., 1873.
- ²⁰ *Трейланд Ф. Я.* (Бривземниекс). Материалы по этнографии латышского племени//Изв. ИОЛЕАЭ. Т. XI. Тр. этнограф. отд. Кн. VI. М., 1881; Латышские народные сказки, собранные Ф. Я. Бривземниекс-Трейландом//Сб. материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнограф. музее. Вып. II. М., 1887.
- ²¹ *Barons Kr., Visendorfs H.* Latvju dainas. Sej. 1—6. Mitau; Riga; St.-Petersburg; *Lerhis-Puskaitis A.* Latviešu tautas pasakas. Sej. I—IV. Jelgava, 1891—1893.
- ²² *Разгон А. М.* Этнографические музеи в России (1861—1917)//Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. С. 254.
- ²³ Систематическое описание коллекций... Вып. II. М., 1889. С. 29; Вып. IV. М., 1895. С. 98.
- ²⁴ *Могиланский Н.* Этнографический отдел Русского музея императора Александра III//Живая старина. СПб., 1912. С. 484—487.
- ²⁵ Программа для собирания этнографических предметов. Изд. 3. СПб., 1904. С. 5.
- ²⁶ *Смирнов И.* Несколько слов по вопросу об организации этнографического отдела Русского музея//Изв. ИОЛЕАЭ. Т. XV. СПб., 1901. С. 227—228.
- ²⁷ Переписка с Р. Г. Зарриным о собирании этнографического материала Лифляндской и Курляндской губерний//Архив Российского этнографического музея (далее — АРЭМ). Ф. I. Оп. 2. Д. 276. Л. 1—2.
- ²⁸ Переписка с окружным инспектором А. А. Фоминым о собирании этнографических материалов на острове Руно//АРЭМ. Ф. I. Оп. 2. Д. 648; Письмо пастора А. Цеттерквиста о передаче музею национальных костюмов с острова Руно. 1912 г.//Там же. Д. 701.
- ²⁹ Российский этнографический музей. Отдел Прибалтики и Поволжья. Опись шведских коллекций. № 1491, 2991.
- ³⁰ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Опись шведской коллекции. № 1290.
- ³¹ Каталог Латышской этнографической выставки, устроенной по случаю X Всероссийского археологического съезда в г. Риге в 1896 г. Рига, 1896.
- ³² *Ирмер Г. Ю.* Латышская этнографическая выставка на X археологическом съезде в Риге в 1896 г.//Сб. историко-филологического общества. Т. 10. Харьков, 1897. С. 65.
- ³³ *Bielenstein A.* Die Holzzeit der Letten//Тр. X археологического съезда в Риге 1896 г. Т. II. Рига, 1899. С. 20.
- ³⁴ *Moszynski K.* Kultura ludowa Słavian. T. 1. Kultura materialna. W-wa, 1929. S. 280.
- ³⁵ *Байбурич А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 26.

The role of Moscow and Sanct-Petersburgh in the development of the Latvian ethnography

The Russian ethnography of the second part of XIX gave way to many regional ethnographic branches. Within this process Moscow and St.-Petersburgh, the main scientific centres of Russia, were the places where researches of the culture of the Latvian people began.

S. I. Ryzhakova